

ПРЕМЬЕРА—всегда событие. И эта премьера в Московском театре сатиры, показавшем трагикомедию А. Макаенка «Затюканный апостол», ожидалась с понятным интересом. Многие здесь соединились. Во-первых, имя драматурга Андрея Макаенка, известного белорусского писателя, автора пьес «Извините, пожалуйста!» («Камни в печени») и «Левониха на орбите», которые с момента появления на сцене связывались в зрительской памяти с острой сатирой.

Во-вторых, в спектакле Театра сатиры главная роль была отдана А. Левинскому, в недавнем прошлом выпускнику Школы-студии Художественного театра, о котором говорили как о многообещающем актере.

И название пьесы заинтриговало: сугубо простонародное — «затюканный» и возвышенное — «апостол».

Оправдались ли ожидания, разрядилась ли доброжелательная тишина зрительского зала Театра сатиры смехом, сочувствием, пониманием?

Вспомним спектакль. Трагикомедия А. Макаенка, по существу, острый политический памфлет, желанный гость на нашей сцене. Ведь крупная соль политической публицистики уже давно не горячила иные вегетарианские чаши комедии. Против кого же памфлет? В некоем современном царстве, некогда зарубежном государстве, в добропорядочной семье живет Сын, в джинсах, с длинными волосами, с развращенной походкой старца

и с крепким, еще совсем зеленым любопытством мальчишки. Семья, родственники: Мама — элегантнейшая модель молодой мамы-стандарта (З. Зелинская), Папа — деловой человек, который не пренебрегает любовными интрижками (З. Высоковский), Дед — в замшевых сапогах, с широким кожаным поясом, фермер, далекий от тягот урбанизма (О. Солюс), сестричка Малыша (так в семье называют Сына) — аппетитная крошка, еще очень наивная и уже очень взрослая (Т. Мурина). Но вдруг какой-то неумовимый сдвиг — на сцене, в сознании зрителей, и на месте семьи оказывается целое общество, где есть разные лагеря, войны, боль, надежды и отчаяние.

А на авансцене Малыш, постепенно оборачивающийся к своей семье разными масками, разными лицами, юноша, в голове которого причудливо перемешались взаимоисключающие взгляды и понятия. Иногда кажется, что это суровый обличитель, стремящийся помешать людям быть корыстными, лживыми, злыми, но люди не хотят и не умеют быть другими. Вот он — жестокий пастырь, не знающий жалости, играющий на худших сторонах человеческих душ, ссорящий всех при помощи правды и объединяющий всех при помощи лжи. Но и такой он не нужен — те, к кому он обращается, сами уже давно постигли жестокие и бесчеловечные законы буржуазного общества.

И новая маска. Каскад демагогии, искусство разделения людей, коварное ма-

«Затюканный апостол» в Московском театре сатиры: Сын — А. Левинский, Дочь — Т. Мурина.

Фото Л. Хлюппе

ОБЛИЧЕНИЕ СМЕХОМ

И. ВИШНЕВСКАЯ

стерство политического гипноза — все это теперь обрушивается Малыш на свою семью. Мгновение — и на мальчишке военная каска, в руках автомат, и это уже не мальчишка, а солдат, поливающий огнем свинца мирный Вьетнам.

Малыш хлестал обывателя ложью — это еще можно было стерпеть, но вот загорелись его глаза, кажется, он нашел, чем пронять своих толстокожих родителей — правдой! И правды о себе, о мире, о своих детях они не выдерживают. К Малышу мед-

ленно подходит на все решающий Папа, разъяренная, к нему подбирается Мама, расстегнув свой страшный фермерский пояс-оружие, на него наступает дедушка. И тогда Малыш кидается в окно. Падает, но не гибнет. Он возвращается живым, но потевшим разумом...

Актер А. Левинский пользуется самыми разнообразными красками, играя трудную роль Сына. Тут и комедия масок, и политический памфлет, и углубленный психологический реализм, и гипербола, и романтика, и то, что еще не имеет никаких жанровых определений: приметы живого быта — мелькающие улицы, текущая толпа, неоновые рекламы, гул машин, лязг и шорох города.

Доброе слово стоит сказать всем актерам в этом спектакле. В конце концов не только смешна, но и жалка Мама Малыша. Отличный комедийный «серьез» держит Папа, ни разу не нарушивший грань между кажущейся ему масштабностью своих забот и пустейшим их звучанием для окружающих. Мила, забавна и умна сестренка Малыша, словно олицетворяющая детство, к которому вот-вот подберутся все несчастья и химеры взрослых. Растление уже почти коснулось ее свежих щек, еще минута — и проглянет через это лицо цинический лик ее мамы. Смешон и страшен Дед. Его патриархальность давно уже прикрывает гангстеризм. В семье, где противоречия еще не обозначились, он

был бы добропорядочным рождественским дедом, но когда вспыхивает конфликт, туповато-хитроватое «мы от земли», «мы ничего не знаем» уже больше не прячет его истинный лик.

И еще один герой есть в спектакле — телевизор. Словно запаленная, вот-вот готовая взорваться мина, он живет и действует в спектакле, «воспитывая» людей, изрыгая лавины лжи, наглядно показывая, как в буржуазном мире бесстыдная политическая демагогия открыто разжигает военный психоз. Телевизор и статуя Христа — два идейных и композиционных фокуса спектакля (постановка — Е. Радомысленского, художник — А. Окунь), как бы символизирующих былые и нынешние химеры, старинные и современные средства гипноза, расслабляющие, усыпляющие волю человека.

К СОЖАЛЕНИЮ, в спектакле есть скучные сцены, когда ослабевает накал политической сатиры и не вступают в дело никакие другие средства комедийного жанра. К таким сценам мы бы отнесли начало спектакля. Есть и еще сцены, когда гложет смех и актеры начинают действовать, словно в безвоздушном пространстве.

Но не это решает. Решает главное — театр создал злободневный политический спектакль, обличающий жестокую мораль современного капиталистического общества. Ожидания перед премьерой не были обмануты.